

"Стальной Ангел"

Екатерина Панова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Панова

"Стальной Ангел"

<https://litres.ru/74008298>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герои: Арсений Верховцев (50 лет) — бывший офицер спецназа, владелец сети ЧОПов, крышующих оружейный трафик от Владивостока до Берлина. Лика Ветрова (28 лет) — художница-реставратор, случайно ставшая свидетельницей его «деловой встречи».

Сюжет: Арсений приказывает убить Лику, но, увидев ее, не может выполнить приказ. Он оставляет ее в своем особняке, пытаясь понять кто она и почему он нарушил самое главное правило увидев ее. Лика не боится Арсения. Она рисует его портрет, видит в нем не монстра, а сломленного солдата. Между ними вспыхивает страсть, перерастающая в любовь.

На кону не только его жизнь, но и жизнь его любимой женщины. Ему придётся пройти Ад, чтоб получить "билет" в Рай.

Содержание

Глава 1	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Панова

"Стальной Ангел"

Глава 1

Глава 1

1999 год, Чечня. Горы.

Мы лежали на камнях, сливаясь с серой предрассветной мглой. Где-то внизу, в ущелье, спало логово. Я перекатывал во рту травинку и смотрел на схему, выжженную в памяти.

Слева — открытый склон. Минута бега под пулями. Справа — скала и узкий проход. Можно зайти тихо, но если нас ждут — выйдут с двух сторон и прижмут к стене.

Я сжал рацию. В наушнике — тишина.

Что-то было не так.

Слишком правильная картинка. Слишком ровные позиции. Слишком тихий эфир. За десять лет я научился чувствовать засаду кожей. И сейчас эта кожа горела.

— Командир, — шепнул Джокер слева. — Дикий какой-то беспокойный.

Дикий — позывной разведчика. Я глянул в его сторону: Дикий лежал ничком и мелко крестился. Он никогда не кре-

стился перед делом. Никогда.

Я поднял кулак — знак «внимание». Группа замерла.

— Ждём, — сказал я одними губами.

Тишина длилась ещё три минуты. Где-то внизу хлопнула дверь. Слишком громко. Слишком нарочито.

— Нас пасут, — выдохнул я. — Кто-то из своих стукнул.

Джокер сплюнул:

— Суки.

Я закрыл глаза и представил лица тех, кто знал о выходе. Полковник. Начштаба. Сосед по казарме, с которым пили позавчера. Любой из них. Или все сразу. За деньги продавалось всё: проститутки, номера в гостиницах, выходы групп. И мундиры. Особенно мундиры. Честь давно сняли с довольствия.

— Идём справа, — сказал я. — Быстро и грязно.

Мы пошли.

Проскочили проход за двадцать секунд. Первая граната ушла в окно. Вторая — в дверь. Я влетел внутрь, поливая очередью тени в углах.

И тут рвануло.

Земля ушла из-под ног. Воздух стал бетонным. Я не слышал взрыва — только вату в ушах и собственное сердце, которое билось где-то в горле.

Осколки вошли в спину. В ноги. В голову.

Я падал долго. Бесконечно долго. В темноту. В тишину. В никуда.

А перед глазами — карие глаза девушки, которую я встретил за месяц до отправки. Она сказала: «Вернись». Я пообещал. Я всегда выполнял обещания.

Последнее, что я запомнил — чей-то сапог, перешагивающий через мою руку. И голос. Русский голос с местным акцентом: «Этот готов. Следующий».

Я выжил. Потому что, видимо, кому-то наверху было смешно смотреть, как я буду собирать себя по частям.

Из четырнадцати человек группы вернулись двое. Я и Диккий. Джокер остался в ущелье. Остальные — в цинке.

У меня не оторвало руки и ноги. Тело собрали, заштопали, поставили на ноги. Но с мозгами и психикой — потеряно навсегда. Мне дали медаль и списали.

Я уехал во Владивосток. Убивать учился заново. Только теперь — чисто, по-бумажному, с улыбкой и контрактом.

2010 год, Владивосток. Центральный офис.

Три часа ночи. Виски в бокале. На столе — подписанный контракт с немцами.

Я смотрел на бумаги и понимал: это пик. Берлин. Филиал. Легальные деньги. Чистые схемы. Я вытащил себя из дерьма, отмылся и сел за стол переговорщика.

И что дальше?

Вопрос висел в воздухе. Я задавал его себе последние несколько часов, но ответа не было. Как говорила Скарлетт Охара Баттлер в том старом фильме: «Я подумаю об этом

завтра». Завтра. Точнее, уже сегодня вечером.

Я посмотрел в окно. Владивосток спал. Огни порта, силуэты кораблей, тишина.

В дверь постучали.

— Войдите.

Секретарша — ночная дежурная, которую я даже не помнил как зовут — просунула голову:

— Арсений Викторович, курьер. Срочное.

Я кивнул. Курьер вошёл, положил конверт на стол и вышел, не сказав ни слова.

В конверте была фотография. Мой старый друг, с которым мы начинали дело. Авдеев. Мы вместе поднимали первый бизнес в девяностых. Вместе выходили из перестрелок. Вместе пили за победы.

Сейчас он стоял на коленях, с разбитым лицом, в каком-то подвале. А на обороте было написано: «Он должен тебе. Завтра. 20:00. Склад на Второй Речке. Один».

Я усмехнулся.

Авдеев успел просрать дело всей моей жизни. Затащил наркоту, от которой люди дохли как мухи. Подставил общую кассу. Кинул партнёров. И теперь, видимо, проигрался в долг.

Я мог бы не ехать. Послать всех. Закрыть эту главу.

Но я посмотрел на фотографию дольше, чем следовало. И понял: я еду.

Не потому что должен. Не потому что боюсь угроз.

А потому что внутри всё ещё сидит тот мальчишка из девяносто девятого, который обещал зелёным глазам вернуться. И вернулся.

Пусть поломанный. Пусть пустой. Но живой.

Я допил виски, надел пиджак и вышел. Ночной город встретил меня солёным ветром и тишиной.

Впереди была встреча с прошлым. А прошлое, как известно, не прощает долги.

Глава 2

Я знал, что это будет хреновая встреча.

Не страх. Не тревожность. Просто ощущение кожей: что-то пойдет не так. Я застегнул Rolex на запястье, поправил пиджак и спустился вниз. Сказал помощнице, что она может доделать дела и отдыхать до воскресенья. Сам планировал после встречи уехать в дом за город. Побывать один. Может, утешиться какой-нибудь красоткой из дорогого эскорта. Ничего личного. Просто сбросить пар.

Но сначала — Авдеев.

Время — двадцать три ноль-ноль. Склад на Второй Речке встретил меня запахом сырости и металла. Разговор изначально не задался. Такие встречи вообще далеки от джентльменского клуба с разговорами о высоком. Но этот мудака Авдеев перепутал все берега. Просрал бизнес. Затащил наркоту. И вдобавок трахнул жену Кузина — одного из главарей местной группировки.

У меня было желание самому пристрелить Авдеева. Но мои гребаные принципы дружбы взяли верх. Я обязан был встать на защиту. Потому что когда-то мы вместе пили кровь. Когда-то он вытащил меня из-под пуль. Долги надо отдавать.

Я вошел внутрь. Кузин сидел за столом, поигрывая ножом. Авдеев стоял на коленях в углу. У меня за спиной —

двое моих людей. У Кузина — восемь стволов по периметру.

Я сел напротив.

— Давай решать вопрос, — сказал я.

Кузин усмехнулся.

— Какой вопрос, Верховцев? Твой дружок трахнул мою жену. Он труп.

— Он мне должен.

— Мне плевать.

Я заметил движение на крыше. Тень. Потом еще одна. Четыре снайпера по периметру. Кузин готовился основательно.

Я достал телефон, нажал кнопку.

На том конце — беззвучный сигнал. Мои люди снаружи начали работать.

Через тридцать секунд Кузин получил сообщение от своего старшего: «Снайперов нет. Все чисто».

Он побледнел.

— Ты...

— Я, — кивнул я. — Теперь давай поговорим.

Раздался выстрел.

Не мой. Кузин выстрелил первым. Пуля прошла в сантиметре от моего уха.

Дальше — как учили. Реакция. Скорость. Точность.

Первая пуля — Кузину в голову. Вторая — его заместителю, который потянулся за оружием. Третья, четвертая, пятая — остальные не успели даже встать.

Через семь секунд все было кончено.

Передо мной лежал Кузин с дыркой во лбу. Вся его охрана — рядом. Кровь заливала бетонный пол.

Я выругался.

— Дерьмо.

Повернулся к Авдееву. Он стоял на коленях, глядя на трупы. Глаза — бешеные, руки трясутся.

— Сукин сын, — рявкнул я. — Ты должен лежать здесь вместо него!

Авдеев открыл рот. Закрыл. Из горла вырвалось невнятное мычание. Он пытался что-то сказать, но язык не слушался. Слюна текла по подбородку.

Я смотрел на него и видел пустоту. Ничтожество. Мужика, который понимал, что подписал себе приговор. Я только что развязал войну с Кузинской группировкой. Трупы, кровь, разборки — все это ляжет на меня. Из-за него.

— У тебя есть два часа, — сказал я. — Убраться из страны. Навсегда.

Авдеев закивал. Слезы потекли по щекам.

— Вали, — добавил я тихо. — Пока я не передумал.

Он выбежал. Спотыкаясь, падая, поднимаясь.

Я выдохнул. Посмотрел на трупы. Надо вызывать бригаду чистки.

Вышел на улицу. Ночь. Сырость. Тишина.

Я пошел к машине. Проходя мимо темного закоулка между контейнерами, я остановился.

Краем глаза заметил силуэт. Кто-то стоял и не двигался.

Словно восковая фигура.

Я медленно достал пистолет. Взвел курок.

Тихий, едва уловимый женский всхлип.

— Выходи, — рявкнул я.

Дрожащим, медленным шагом из темноты вышла женщина. Маленькая. Хрупкая. Она тряслась так, будто ее подключили к электрическому стулу. Руки прижаты к груди. Глаза распахнуты от ужаса.

— Имя, — рычу я.

Губы шевелятся. Звука нет.

— Имя! — громче.

— Лица, — шепот. Почти беззвучно.

— Какая Лица? Фамилия. Что ты здесь делаешь? Кто тебя послал? Отвечай четко и быстро.

Она открыла рот. Глаза закатились.

Рухнула в обморок.

Я закатил глаза.

Господи, где я так перешел тебе дорогу, что ты послал мне это полуживое создание?

Она свидетель. Она все видела. Она слышала выстрелы. Ее нельзя оставлять. Нужно ликвидировать.

Мысль пронеслась за долю секунды. Я поднял пистолет. Направил ей в голову.

Палец лег на курок.

Она лежала на земле. Светлая. Маленькая. Беззащитная.

Я не мог нажать.

Не здесь. Не сейчас.

Я убрал пистолет. Подозвал своего водителя.

— Перенеси ее в машину. Аккуратно.

— В багажник?

— На заднее сиденье. Вези в дом. В мой дом.

Водитель кивнул. Поднял девушку на руки. Она была легкой. Почти невесомой.

Я сел вперед. Закурил. Смотрел в темноту.

У меня на руках свидетельница. У меня на хвосте Кузинская группировка. У меня внутри — пустота.

Что я творю?

Глава 3

Очень хочется пить.

Ощущение, что губы смазали цементом. Издать малейший звук — невозможно. Язык не ворочается. Горло пересохло так, будто я проглотила пустыню.

Где я?

Как я попала сюда?

Почему так темно?

Я открываю глаза — и ничего не меняется. Та же темнота. Только где-то далеко, сквозь вату в ушах, пробивается звук. Словно сердце бьется. Или часы тикают.

В голову врываются фрагменты.

Выстрелы. Мужская ругань. Кровь.

Я вижу трупы. Они разбросаны по полу. Пять, шесть, семь тел. И тот мужчина. Высокий. Широкоплечий. С глазами, в которых нет ничего.

Черт меня возьми.

Зачем я вообще поперлась туда?

Лица — это я — судорожно осознаю: это конец. Меня убьют. Я видела то, что не должна была видеть. Меня закопают в лесу, и никто не найдет.

Почему я как нормальный человек не захотела написать закат или восход? В обществе вменяемых людей? Где-нибудь в парке? С чашкой кофе и этюдником?

Я действительно чокнутая. Поехавшая головой. Вздорная мадам.

Я говорю это себе, пытаюсь успокоиться. Не помогает.

Прихожу в себя понемногу. Вспоминаю больше. Тот мужчина стоял надо мной с пистолетом. Я видела дуло. Я видела его палец на курке.

А потом — темнота.

Но я жива.

Я лежу на чем-то большом и мягком. Кровать. Огромная кровать. Запах свежего чистого белья. Подушка — нет, подушки нет. Теплое и очень мягкое одеяло. А где-то отдаленно доносится аромат жареных гренков и свежесваренного кофе.

Рай? Ад?

Наверное, все-таки тот большой и крепкий мужик пристрелил меня. И сейчас Господь думает, куда же мне — в Рай или в Ад?

За дверью — шаги.

Они приближаются. Медленные. Тяжелые. Человек не топчется. Он знает, что я никуда не денусь.

Поворот ключа. Дверь распахивается.

В комнату входит он.

Тот самый. Высокий. Широкоплечий. С глазами без дна.

— Ну что, Лика, выпалась?

Голос грубый. Но в нем есть что-то. Притягательное. Опасное. Я не знаю, что ответить. Любой ответ спровоциру-

ет реакцию. И вряд ли хорошую.

Я молчу.

Он ждет.

Тогда я собираю остатки смелости и выдавливаю из себя хриплый, еле слышный голос:

— Да. Но я наверное доставила вам неудобства. Сейчас быстро покину ваш дом.

Смех.

Громкий. Раскатистый. Так мог смеяться сам Дьявол, если бы он стоял напротив меня.

— Ты помнишь, что произошло вчера?

Вопрос. Ловушка. Если скажу «да» — убьет. Если скажу «нет» — не поверит.

— Да, то есть нет. Господи, я не знаю, что вы не поделили, но я точно этого не хочу знать. И тем более говорить это кому-нибудь еще.

Выпала за секунду. И прижала руки к губам.

Дура. Которая всегда говорит правду. Ну, по крайней мере, то что думает.

Свет из коридора падает прямо на меня. Он стоит в проеме. Смотрит.

Я вижу его. Он видит меня.

И что-то меняется в его лице.

Он долго смотрит. Разглядывает. Изучает. Я чувствую его взгляд кожей. Он раздевает. Сканирует. Читает.

Потом на его губах появляется легкая улыбка.

— Чем ты занимаешься в обычной жизни? — спрашивает он. — Помимо тех дней, когда попадаешь в компанию сомнительных мужчин, решающих свои вопросы и убивающих друг друга?

Я огрызаюсь:

— Очень смешно.

Он ждет ответа.

— Я художник-реставратор, — говорю я и поднимаю глаза.

Мой карий, глубокий взгляд встречается с его взглядом.

И я вижу, как он вздрагивает. Едва заметно. Но я вижу.

«Эти карие глаза, — говорит он про себя. — Которые как когда-то просили меня вернуться».

Я не знаю, что это значит. Но я чувствую: что-то произошло. Что-то щелкнуло между нами.

— Ну что ж, Лица. Пока я не пойму, что делать с тобой, ты никуда не уйдешь.

— Я пленница? — выкрикиваю я.

— Ты мое недоразумение. — Он делает паузу. — И огромная проблема. Которая должна была остаться там. С дыркой в голо... Которая просто должна была остаться там.

Он осекается. Поправляет себя.

— Но пока ты здесь. И я не решил твою дальнейшую судьбу. Ты находишься под моим арестом. Не советую искать возможности бежать или предпринимать другие неразумные вещи. В противном случае ты...

Он замолкает.

— Что будет? — спрашиваю я с вызовом. Я не знаю, откуда во мне берется эта смелость. — Убьешь меня, как тех парней?

Голос дрожит. Но я держусь.

Он смотрит на меня. Долго. Тяжело.

— Все может быть, — отвечает он.

Но голос меняется. Становится ледяным. Жестким. Злым.

Он разворачивается и выходит. Закрывает дверь. Поворачивает ключ.

Я остаюсь одна.

Сердце колотится. Руки трясутся. Я зажимаю рот ладонью, чтобы не закричать.

Я в ловушке. В доме убийцы. Я видела его лицо. Я слышала его голос. Я знаю, на что он способен.

Но почему я до сих пор жива?

И почему, когда он смотрел на меня, я чувствовала не страх. А что-то другое.

Что-то, чему я боюсь дать имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.